

Гукина Л. В.

НАИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ И ЖИВОПИСИ

Аннотация

В статье в контексте теории наивного восприятия пространства рассматриваются средства, моделирующие пространство в языке художественной прозы на английском и русском языках и живописи. Отмечается, что наивные представления о пространстве отражаются в материальном и духовном опыте народа-носителя данного языка и могут быть специфичны для него. В языке ассоциация пространства с понятием «место» порождает включенность дейктических средств в процесс моделирования эгоцентрического пространства, при этом фигуре говорящего (наблюдателя) придается обязательный статус. Показан потенциал лексико-семантической группы английских и русских глаголов в создании локальных ситуаций с общим значением «открывать пространственную сцену перед наблюдателем», применены методы сплошной словарной выборки, приемы компонентного,

контекстуального и сопоставительного анализа. Новизна работы заключается в попытке сравнения языковых и художественных средств моделирования пространства на примере живописи и литературных очерков Н. К. Рериха. Материал исследования может быть использован преподавателями английского и русского языков вузов и в проектной работе студентов, изучающих русский и английский языки как иностранные. Автор делает вывод о корреляции языковых и художественных образов пространства.

Ключевые слова: пространство, восприятие, локальная ситуация, пространственная сцена, фигура наблюдателя, языковые средства, художественные средства.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования

Данная работа не имела источников финансирования

Для цитирования: Гукина Л. В. Наивное восприятие пространства и его отражение в языке художественной прозы и живописи // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2. № 4. С.88–93.

PHILOLOGY, LINGUISTICS

Gukina L. V.

NAIVE PERCEPTION OF SPACE AND ITS REFLECTION IN THE LANGUAGE OF FICTION AND PAINTING

Abstract

In the article, in the context of the theory of naive perception of space, the means that model space in the language of fiction in English and Russian languages and painting are considered. It is noted that naive ideas about space are reflected in the material and spiritual experience of the people - the bearers of a given language, and can be specific to the nation and its culture. In the language the association of space with the concept of «place» gives rise to the inclusion of deictic means in the process of modeling egocentric space, while the figure of the speaker (observer) is given a mandatory status. The potential of the lexical-semantic group of English and Russian verbs in creating local situations with the general meaning «to open a spatial scene in front of the observer», using the methods of continuous vocabulary sampling, techniques of component, contextual and comparative

analysis is shown. The novelty of the article lies in the attempt to compare the linguistic and artistic means of modeling space on the example of N. K. Roerich's paintings and essays. The research material can be used by university teachers of English and Russian languages and in project work of students studying Russian and English as a foreign language. The author concludes that there is a correlation between linguistic and artistic images of space.

Keywords: space, perception, local situation, spatial scene, the figure of the observer, language means, artistic means.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Gukina L. V. Naive perception of space and its reflection in the language of fiction and painting // Humanities and social sciences bulletin. 2021. Vol. 2. No. 4. P. 88–93.

Пространство является общей формой существования материи, а именно – формой координации материальных объектов. Реальный мир представляется для человека закрытой системой. Любой язык – это путь классификации всего, что принадлежит реальному миру. Наивная геометрия, наивная физика, наивная психология отражают материальный и духовный опыт народа-носителя данного языка и могут быть специфичным для него.

В допонятийном мышлении общее пространство выступает как множество неоднозначно связанных, локально непрерывных пространств [1]. Категория пространства исторически складывалась в сознании человека в результате отражения реальных пространственных отношений вещей [9]. При этом познание пространственных отношений и форм происходило в направлении от восприятия к понятию, от единичного к частному и от частного к общему, от чувственно-конкретного к конкретному в понятии мышления. Восприятие человека отражает внеположенность вещей, то есть любой предмет находится в положении взаимного прикосновения или пролегания [22, 24, 25].

Материальный объект познания всегда предстает перед человеком как находящийся вне его и относительно обособленный в пространстве [10]. Наряду с внеположенностью пространство обладает таким признаком, как размер или величина, который выражается в понятиях «больше», «меньше», «равно» и т. п. Неотъемлемыми признаками пространства являются расстояние и форма. Представления о различных формах пространства развиваются из непосредственной практики предметов в самых разнообразных отношениях. Одним из ведущих органов познания пространственных форм и отношений является глаз – зрительный анализатор. Ученые отмечают также способность человека к незрительному восприятию пространства. Предполагается, что ощущение пространства генетически присуще психике человека, однако совершение движений при пространственной ориентации без опоры на зрительный анализатор требует высокого ментального напряжения. В продолжающейся дискуссии психологи и психолингвисты не могут дать однозначного ответа на вопрос, какую категорию – пространство или время считать первичной в опыте человека [1, 10, 18, 23].

В анализе пространственных отношений человек часто прибегает к субъективным оценкам. Так, в определении такого признака, как протяженность, имеет исключительное значение ходьба, с помощью которой измеряется протяженность [23, 19]. Таким образом, ходьба в опыте человека – это своего рода естественная мера протяженности, счетчик времени и пространства. В качестве меры человек также брал расстояние, на котором можно видеть или слышать человека, животное, предмет, явление. Таким образом, это связано с оценкой удаленности предметов друг от друга и от наблюдателя, что отражено, напри-

мер, в русском выражении «покуда глаз хватит» и английском «as far as the eye could see».

В наивной модели пространства мерой длины для человека служат также некоторые части его тела. Поэтому, когда говорят, что предмет имеет длину три фута и два дюйма (three feet two inches), имеется в виду суммированная длина ступни и двух больших пальцев. В любом языке сохранились такие способы измерения как «во весь рост – full-size», «по колено – knee deep, knee high», «по горло – up to the neck», «мальчик-с-пальчик, мужичок-с-ноготок» и многие другие. Таким образом, антропоцентризм и антропоморфизм присущи языковому моделированию пространства.

С давних времен и по сей день человек обращает свой взор не только на земные предметы, но и на небесные тела и явления. Наивное представление первобытного человека, что мир разделен на небо и землю, что земля является сравнительно небольшой плоскостью/поверхностью, претерпело значительные изменения с развитием научных знаний и исследованиями космоса. Однако из этого наивного понятия сохранился универсальный признак фрагментарности пространства. Вопросам моделирования пространства уделяют внимание философы, логики, культурологи и лингвисты, занимающиеся анализом языка (Е. М. Китаева, М. Н. Левченко, И. М. Лысухин, Е. М. Михайлова, Е. В. Морозова, Н. Н. Петрова, З. Я. Тураева, М. М. Бахтин, Г. Д. Гачев, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Ю. Г. Пыхтина, С. В. Травкин, А. С. Поршнева, К. Гамбург, Дж. Кестнер, Дж. Миль, Е. Траго, Дж. Франк и другие). В отдельных работах ученых категории пространства и времени выделены как категориальный базис художественного текста и жанрообразующий фактор. Так, А. С. Поршнева считает, что пространство литературного произведения, будучи насыщено смыслами, представляет собой основу авторского моделирования картины мира [12].

Г. Д. Гачев исследует европейские образы пространства и времени путем анализа их этимологий в разных языках с привлечением метафор, образов и других символических форм, характерных для национальных культур. Г. Д. Гачев отмечает, что для русского человека из пары «время – пространство» роднее пространство. Оно родственно понятиям «страна», «сторонка» и «странник». Для русского пространства важен момент «раздвижения», «распахивания» («душа нараспашку») и движение по пространству вперед и в стороны. Для германского мироощущения ближе время, а для образа пространства важен момент «воздвижения» – вертикаль, движение по пространству сравнивается с движением по прямой – к цели. Интересно также замечание о том, что для германского дома (дословно – «Haus'a») сакраментальны стены, а родные точки в пространстве для русского человека – берег, порог [4].

Пространство художественное разрабатывается и в изобразительном искусстве в работах А. Михайлова, П. А. Флоренского, А. Якимовича и многих других. По мнению А. Якимовича, способ и тип построения картинного пространства и заложенные там смысловые (семантические) аспекты «моделируют» само мироздание [17]. Важным моментом в любом пространственном решении является отношение к зрителю, позиция и поведение пространственного образа перед лицом зрителя (в нашем контексте – наблюдателя, ego, origo, reference object). Выделяется «открытое, ожидающее» пространство, как бы приглашающее посетить свои пределы, и «закрытое, экранированное» пространство, которое не пускает взгляд в глубину, выталкивает его и направляет вдоль поверхности (прежде всего – по вертикали). Обращает на себя внимание то, что подобные принципы репрезентации пространства могут быть экстраполированы на построение пространства художественного в литературе и способы схематизации пространства в языке (verbal painting).

Таким образом, в языке пространство часто ассоциируется с понятием «места», где совершается механическое перемещение тел относительно друг друга [20]. Такое пространство выражается дейктическими языковыми единицами – предлогами, которые в английском и русском языках обнаруживают мощный потенциал в языковом структурировании пространства. В качестве основной выступает концепция эгоцентрического пространства, в котором главное место отдается человеку. Фигура говорящего организует семантическое пространство высказывания и систему дейктических слов языка. Среди значимых частей речи самыми активными участниками языковой репрезентации пространства являются английские и русские глаголы, значения которых маркируют как пространственное положение статичных объектов природно-хозяйственного комплекса, так и соположение этих объектов относительно друг друга [8]. В данном случае нас интересует семантический объем английских и русских глаголов со значением «открывать пространственную сцену перед наблюдателем». Локальная ситуация представляется как языковая среда, в которой глаголы реализуют свое значение [5].

Важным моментом в локальных ситуациях, вербально передающих сложную структурную организацию реального пространства с наполняющими его статичными природными объектами, является отношение к наблюдателю, позиция и поведение пространственного образа перед лицом наблюдателя. Однако в языковом контексте оказывается не менее важным момент, когда пространственная сцена открывается перед наблюдателем. Ситуации вхождения наблюдателя в рамки пространственной сцены, как правило, начинают собою развертывание языкового описания локальных макроситуаций. Список гла-

гольных лексем, принимающих участие в создании ситуаций такого типа, включает английский глагол «open» и русские глаголы «открываться, раскрываться, распахиваться, развертываться, расступаться». При сплошной выборке были использованы словарные статьи словарей: Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1984 [CO]; The New Shorter Oxford English Dictionary. – Oxford, Clarendon Press, 1993 [NSOED].

Обращает на себя внимание отсутствие однозначного количественного состава глагольных единиц с интересующей нас семантикой в английском и русском языках. Как видим, момент раздвижения пространства вширь представлен разнообразнее в русском языке. Отличительной особенностью локальных ситуаций является то, что в роли субъектов при названных глаголах обычно стоят существительные, которые в равной степени могут относиться к тематической группе «живопись». Среди них английские существительные «space, scene, picture, panorama, view, perspective» и русские существительные «пространство, сцена, картина, панорама, вид, перспектива». В отдельных локальных ситуациях глаголы сочетаются также с существительными, обозначающими реальные объекты природного комплекса. Типологические свойства реальных объектов могут отражаться на языковом уровне в разнице семантического наполнения локальных ситуаций, что может быть продемонстрировано на серии примеров локальных ситуаций с вариативной сочетаемостью глаголов и существительных из приведенного выше ряда.

«OPEN – v. i. come apart so as to reveal a space, display the interior, or allow access or free passage through [NSOED] *неперех.* разойтись, обнаружив пространство, выказать внутренность, или дать свободно пройти через». *As they broke the crest, an incredible *panorama* opened before them [21, с. 401]. – Как только они преодолели гребень вершины, удивительная панорама открылась их взору. *This was timber line, the top of the world, opening up at twelve thousand feet, and it gave Fremont a giddy sense of freedom [21, с. 399]. – Здесь была граница леса, вершина мира, открывающаяся на высоте двенадцать тысяч футов, и это вызывало у Фремона головокружительное чувство свободы.

«ОТКРЫВАТЬСЯ, открыться, сов. – 3.перен. Стать видимым, обнаружиться [CO]». *Перед нами широко открывалось кипевшее волнами седое пространство [15, с. 245]. *Из глубины леса, затаив дыхание, любителю охотник открывшейся перед ним картиной [23, с. 245]. Примечательно, что в последнем примере в локальной ситуации присутствует понятие перспективы, о котором говорилось выше в контексте построения пространства в живописи. Здесь перспектива выражается сочетанием «из глубины леса», определяющим и позицию наблюдателя, и ракурс восприятия пространственной сцены.

В следующей локальной ситуации глагол «открываться» сочетается с существительным «перспектива», которое в данном контексте актуализирует значение «предел». Позиция наблюдателя здесь определяется чисто темпоральными характеристиками (в том месте, где он находился в тот момент). *И в тот же момент в *перспективе (конце)* улицы *открылось* нечто удивительное [11, с. 119].

Практически во всех локальных ситуациях с глаголом «открываться» обозначается такая позиция наблюдателя, когда другие пространственные объекты не могут более блокировать визуальное восприятие пространственной сцены, как это выражено в следующих примерах. *У *последнего поворота* дороги Докудовскому *открылся* вид на живописную долину [11, с. 3]. **Оттуда, сверху, открывается* вид верст на сорок кругом [3, с. 144]. Из данного примера видим, что в процесс моделирования семантической структуры локальной ситуации включен целый набор языковых средств с локальной семантикой, детально выражающих все позиции, связанные с фигурой наблюдателя. Ситуация получает динамический характер, так как в ней имплицитно выражено движение наблюдателя по криволинейному пути («с каждым поворотом»), а также содержится указание на смену воспринимаемых фрагментов пространства («новые... картины»).

Следующие примеры показывают, как меняются восприятие и направление взгляда наблюдателя при смене объекта реальной действительности, которому присущи специфические топологические характеристики (в данном случае – горная пропасть). Восприятие пространственной сцены по горизонтали резко меняет ориентацию на нисходящую вертикаль. *Ему показалось, что *раскрывшаяся* перед ним *глубина* тянет его... [16, с. 195]. *Головокружительные *пропасти* *раскрываются* под его ногами [15, с. 128].

«РАСПАХИВАТЬСЯ, распахнуться *сов.* – 1. Широко раствориться, раздвинуться, раскрыться [СО]»; «3. Широко раскрываться – *Вдруг *дорога повернула вправо, распахнулась стена хлебов и открыла степную балку.*

«РАЗВЕРТЫВАТЬСЯ, *сов.* – 1. раскрыться (о свернутом, скатанном, завернутом, сложенном); 5. *перен.* Быть видимым на большом расстоянии, вширь и вдаль [СО]». *Бесконечная, изрытая равнина – страна белых рыхлых холмов *развернулась* перед путешественниками *картина* [15, с. 306]. Обе локальные ситуации смоделированы по принципам пространственного дейксиса. Эксплицирована фигура наблюдателя и его позиция. В последнем примере – это высокая точка в пространстве.

Изучив всю серию примеров локальных ситуаций, можно сделать вывод, что глагольные единицы описываемой семантической группы привносят в ситуацию дополнительный семантический признак полноты раз-

вертывания пространственной сцены. Обращает на себя внимание стремление в рамках контекста установить пределы, границы раздвижения фрагментов пространства, на что направлено употребление языковых единиц с метрическими значениями. Русский глагол «*приоткрываться*» актуализирует значение неполной открытости пространственной сцены для наблюдателя в локальных ситуациях, описывающих крупные фрагменты пространства, плотно заполненные статичными объектами, которые своей величиной частично ограничивают поле зрения наблюдателя. *С вершины горы *приоткрывается краешек* горного озера, *обрамленный* лиловым бархатом кустарников [15, с. 120].

«РАССТУПАТЬСЯ, расступиться, *сов.* – отойдя в стороны, освободить место для прохода, проезда [СО]». В следующей локальной ситуации глагол «*расступаться*» является синонимом глаголу «*распахиваться*» и формирует аналогичную семантическую структуру локальной ситуации, которая отличается оригинальностью передачи плотности пространственного фрагмента. *Порою *расступается*, и далеко *развертывается* унылая низменность [2, с. 498]. В локальной ситуации также имплицитно выражена динамика развертывания фрагментов пространственной сцены перед наблюдателем по ходу его движения. Обращает на себя внимание включение в структуру локальных ситуаций сочетания глаголов со значением «открывать пространственную сцену перед наблюдателем» с глаголами со значением «пролегать во всю величину». Как правило, такие ситуации рисуют развертывание крупных фрагментов пространства перед наблюдателем.

Языковая семантика пространства, показанная на примерах произведений художественной прозы на английском и русском языках, коррелирует с семантикой пространства художественного, которое представлено на полотнах русского писателя, путешественника и художника Николая Константиновича Рериха. Проведя долгое время в экспедициях по Алтаю и Гималаям, он как будто впитал саму природу пространства. В экспедициях, будучи ограниченным в подручных средствах, он писал темперой картины иногда размером с путевой блокнот. При этом пространство в этих произведениях не имеет пределов, оно *открывается, распахивается, разворачивается, расступается*. Пространство у Н. К. Рериха порождает свет, оно насквозь пронизано светом. Пространство светится удивительными по своей гамме цветами, широко и многослойно прописывающими его структуру [6]. Пространство у Н. К. Рериха статично. Даже если в его контекст включен бурный поток воды, несущийся с высоких горных вершин, пространство наполнено покоем [14]. Фигуре наблюдателя также придается обязательный статус. Во многих картинах фигура наблюдателя присутствует эксплицитно. Например,

в картине «На горной тропе» (1917) открывается бескрайняя панорама мира. Вид сверху (фигура человека, смотрящего с высоты вниз). «Жемчуг искомый» (1924) – пространство прописано в двух перспективах: две фигуры на вершине высокой горы на фоне гор, уходящих в небо (перспектива вверх), и гор, вершины которых они видят внизу (перспектива вниз). Подобным образом строится пространство в картине «Помни» (1945) – панорама с горного плато, вид на горные хребты (вверх) и вниз на фигуру человека на лошади. Все пространство выполнено послойно в цветовой гамме полутонов от синего к белому. Следует отметить, что присутствие фигуры наблюдателя часто сужает восприятие бескрайности панорамы пространства, как это происходит в картинах «Красные кони» (1925) и «Дзон-Капа» (1924) – широчайшая панорама сужена художественными средствами моделирования пространственной сцены с переносом акцента на фигуру человека (медитирующего мыслителя) в пространстве картины. При этом высота гор не актуализируется. На других картинах присутствие наблюдателя выражено имплицитно (наблюдаемое извне пространство). Например, на картине «Канченджанга» (1927) – захватывающая дух широкая панорама, многослойность горных вершин, выраженная палитрой цветов от синего к белому снизу вверх. «Эверест» (1935) – широкая панорама, вертикаль прописана горизонтальными слоями цвета от темно-синего до белого и голубого.

Среди полотен художника есть и такие, на которых пространство не раздвигается вширь, а строится по принципу воздвижения вверх. Однако смысл этого воздвижения не в выстраивании стен, что соотносится с германским образом пространства. Идея состоит в стремлении человека к высоким материям, к духовному самосовершенствованию. Примером может служить картина «Ведущая» (1944) – женщина поднимается в гору, увлекая за собой мужчину. Большой пройден путь, но еще больше пути нужно преодолеть. Вершина горы где-то там далеко, она даже не прописана в пространстве картины.

Для сравнения обратимся к образу пространства на картине «Белый и Горный (Белый и небесный)» (1924), которое Н. К. Рерих также описал языковыми средствами: «Как только вы подниметесь на пики Гималаев и окинете взглядом *космический океан* облаков внизу, вы увидите бесконечные валы скальных цепей и жемчужные вереницы облачков. Позади них движутся серые слоны небес, тяжелые муссонные облака. Разве это не *космическая картина*, которая дает вам возможность понять великие творческие проявления?» [13, с. 45]. Рамка данной локальной ситуации выстроена с помощью средств пространственного дейксиса (наречия «внизу», «позади»). При отсутствии глаголов, обозначающих «открытие пространственной сцены для наблюдателя», в роли субъектов также выступают существительные, которые относятся к тематической группе «живопись» – «*космический океан, космическая картина*». Организующим компонентом локальной ситуации является фигура наблюдателя, траектория его передвижения в рамках пространственной сцены и направление взгляда. Также отметим, что язык автора, отражающий тот же фрагмент пространства художественными средствами, дополненный световыми и цветовыми компонентами, создает для зрителя пространство, которое вызывает у него целый спектр эмоций: удивление, восхищение, радость, умиротворение. В своих воспоминаниях первый космонавт, вышедший в открытый космос, А. А. Леонов говорил, что увидел Землю в палитре цветов, как на картинах Н. К. Рериха [7]. Это означает, что, создавая языковые и художественные образы «*космического океана, космической картины*», писатель и художник Н. К. Рерих глубоко и тонко видел и чувствовал пространство и владел актуальным набором средств его репрезентации.

В заключение отметим, что проведенный сопоставительный анализ показывает, что принципы репрезентации пространства в живописи могут быть экстраполированы на построение пространства художественного в литературе и способы схематизации пространства в языке (verbal painting).

Источники и литература / Sources and references

1. Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени. – М.: Наука, 1982. – С.101–125.
2. Бунин И. А. Новая дорога // Рассказы. – М.: Правда, 1983. – С. 498.
3. Гаршин В. М. Медведи. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 144.
4. Гачев Г. Д. Европейские образы Пространства и Времени // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 212.
5. Гукина Л. В. Семантическая классификация английских и русских глаголов со значением «Расположение в пространстве»: дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 1997. – С. 63–65.
6. Гукина Л. В. Человек и природа в очерках Н. К. Рериха / Современный мир, природа и человек: сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции (Кемерово, 25 сентября 2020 г.) / отв. ред. Л. В. Начева, Н. Н. Ильинских, Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, М. Г. Степанова. – Кемерово: КеМГМУ, 2020. – С. 325–331.
7. Гукина Л. В. Цветовая палитра пространства в космической живописи Алексея Леонова / Через тернии к звездам: освоение космоса: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию полета Ю. А. Гагарина в космос (Кемерово, 12–13 апреля 2021 г.) / отв. ред. Т. В. Пьянзова, Д. Ю. Кувшинов, В. В. Шиллер. – Кемерово: КеМГМУ, 2021. – С. 42–48.

8. Гукина Л. В. Проектная работа как технология организации самостоятельной работы студентов на продвинутом этапе обучения иностранному языку. / Л.В. Гукина, Л.В. Личная // Технологии организации самостоятельной работы обучающихся: материалы VIII Межрегиональной научно-методической конференции. – Кемерово: КемГМУ, 2016. – С. 50–52.
9. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. – М., 1982. – С. 61.
10. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
11. Пиляр Ю. Е. Санаторий «Космос». – М.: Современник, 1984. – С. 3.
12. Поршнева А. С. Изучение художественного пространства: стратегии и алгоритмы / А.С. Поршнева // Иноязычный дискурс: проблемы интерпретаций и изучения: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. – Выпуск 2. – С. 96–115.
13. Рерих Н. К. Сокровище снегов // Н.К. Рерих Шамбала. – Талай-Пхо-Бранг, 1928. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/shambala/1867-n-k-rerikh-sokrovishche-snegov> (Дата обращения: 15.11.2021).
14. Смирнов-Русецкий Б. А. Горные пейзажи в творчестве Н. К. Рериха Журнал «Восход», №7 (291), Июль, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rossasia.sibro.ru/voshod/article/52203> (Дата обращения: 07.09.2020).
15. Соколов-Микитов И. С. Путешествия: Рассказы и сказки // Собрание сочинений в четырех томах, Т.3. – Л.: Художественная литература, 1986.
16. Таурин Ф. Н. На Лене-реке. – М.: Современник, 1981.
17. Якимович А. О построении пространства в современной картине // Пространство картины. – М.: Советский художник, 1989. – С. 6–28.
18. Ames L. B. The Development of Verbalized Space in the Young Child // Journal of Genetic Psychology, 1984. – № 72. – P. 63–84.
19. Cohen J. Time in Science and Philosophy: An International Study of some Current Problems. – Prague, 1971.
20. Jürgen Streeck Plaza: Space or place? // Space in Language and Linguistics: Geographical, Interactional, and Cognitive Perspectives. – Walter de Gruyter GmbH, Berlin/ Boston, 2013.
21. Nevin D. Dream West. – London, New English Library, 1986. – С. 399–401.
22. Rappaport M., Levin, B. The Locative Alternations// Syntax and Semantics. Thematic Relations. – San-Diego, New-York, London, 1988. – P. 19–29.
23. Rieser J. J. Maintenance of Orientation and the Nonvisual Perception of Locomotion // Spatial Orientation. Theory, Research and Application. – 1983. – P. 48–53.
24. Ross J. R. A Hierarchy in Conceptual Space // Linguistics and Philosophy. – Amsterdam; Philadelphia, 1985. – P. 45–53.
25. Shlesinger G. The Similiarities between Space and Time // Mind, 1975.

Информация об авторе:

Гукина Людмила Владимировна, к.филол.н., заведующий кафедрой иностранных языков Кемеровского государственного медицинского университета, ling@kemsma.ru.

Author information:

Gukina Ludmila Vladimirovna, Ph.D. in Philology, head of the Department of Foreign Languages, Kemerovo State Medical University, e-mail: ling@kemsma.ru